

— Посватали уже, сговор состоялся, — стоило завести речь о женитьбе, как Ху Вэй заметно смутился и слегка покраснел. — Девке той уже восемнадцать исполнилось.

— Восемнадцать? — искренне удивился Дин Тянь.

Дяде-то самому едва двадцать стукнуло.

Насколько Дин Тянь знал, здешние нравы были весьма суровыми и консервативными. Времена стояли патриархальные — уклады точь-в-точь как в эпоху Мин или ранней Цин, когда девиц выдавали замуж лет в пятнадцать-шестнадцать, а то и вовсе в тринадцать-четырнадцать.

«В восемнадцать лет до сих пор в девках сидит? — невольно засомневался он. — Не иначе, девица с изъяном»

— Да нет, тут дело в другом. Сначала война помешала, а потом траур пришлось соблюдать — отец у неё преставился, — поспешил объяснить Ху Вэй. — Сейчас в доме за старшего её брат. Он и сам в этом году жениться собрался. Так они и сговорились: сперва сноха в дом войдёт, а следом уж и она замуж выйдет. Иначе никак — там ведь ещё старуха-мать на руках, приглядеть некому было.

— Ну, тогда всё понятно, — облегчённо выдохнул Дин Тянь. — Главное, чтобы здоровая была да нравом кроткая.

— Да и выкуп за невесту они заламывать не стали — мы ведь, если разобраться, дальними родственниками приходимся, — Ху Вэй сделал глоток вина из маленькой чарки. — Отдали десять ланов серебра, два отреза красного шёлка, два рулона узорчатой ткани, пару серебряных браслетов, две пары серёг да две заколки серебряные. Ну и зерна немного подкинули. Матушка нашего Старосты трех деревень сама обо всём договорилась. Зерно у них останется, ещё одна пара серёг да заколка серебряная пойдут её матери в знак почтения, а всё остальное они вернут назад вместе с приданым.

Оно и правильно. Всё-таки семья растила девицу восемнадцать лет, уйти из отчего дома совсем с пустыми руками, ничего не оставив родне, было бы свинством. Но и отпускать её в чужую семью «голой», без гроша за душой, тоже не годилось. К тому же выкуп благодаря помощи Дин Тяня вышел щедрым: одного только зерна выделили целую дань пшеницы да дань проса. К тому же Ху Вэй — всё-таки сюцай, и будущий шурином наверняка рассчитывал в будущем пристроить своих ребятишек к нему в учение. Так что на эти условия обе стороны согласились охотно.

Дин Тянь понимающе закивал. Дядя к тому времени уже прилично захмелел — видать, от радости. Он всю рассуждал о том, что ежели с невестой всё сложится ладно, то уже после Нового года у Дин Тяня появится двоюродный братец или сестрица.

— Дядя, ну ты и заглядываешь вперёд! — покачал головой Дин Тянь, не зная, смеяться ему или плакать.

Пообедав у дяди и пропустив с ним пару чарок, Дин Тянь засобирався в дорогу. Было видно, что Ху Вэй искренне рад его визиту, пусть племянник и приехал один. На прощание дядя насильно всучил ему три увесистые книги.

— Это я сам переписывал. Забирай и читай на досуге, — строго проговорил Ху Вэй. — Пусть нам, служивым людям, и заказан путь на государственные экзамены аж до третьего колена, но грамоту знать ты обязан. Негоже жить неграмотным слепцом.

«Отдал целую тушу мяса, а взамен получил три книжки... — с невольной усмешкой подумал Дин Тянь. — Ну и обмен!»

Но старый Староста трех деревень его уныния не разделил и, наоборот, велел читать при каждой свободной минуте:

— Дядя твой о тебе печётся, глупый. Слушайся его.

— Да знаю я, знаю, — согласился Дин Тянь, а затем спросил тише: — Так вы с тем человеком обо всём договорились?

— Сговорились, сговорились! Тут твоя заслуга велика, — старый Староста трех деревень сиял от радости.

Всю дорогу назад он весело напевал себе под нос какую-то местную деревенскую мелодию, так и лучась довольством.

Дин Тянь со спокойной душой переложил эти хлопоты на плечи Старосты трех деревень. Вернувшись в родную деревню семьи Дин, он завалился спать пораньше. Проснувшись на рассвете следующего дня, он первым делом набросал на бумаге чертежи и схемы, после чего отправился к Хромому Дину. Пришлось изрядно попотеть и потратить кучу времени, прежде чем старый мастер наконец уяснил, что именно от него требуется смастерить.

После этого пришла пора возвращаться в уездную управу. С собой Дин Тянь прихватил приличный шмат свинины — прослыть скрягой среди коллег не хотелось, надо было порадовать служивый люд свежим мясом.

Нагрузив в повозку добрую треть свиной туши, он покатыл к управе. Коня решил оставить при тамошней конюшне — дома от него всё равно толку не было. Слишком уж благородных кровей оказалась скотина, настоящая боевая лошадь: в телегу её запрячь ещё куда ни шло, а вот тащить тяжёлый плуг по пашне она наотрез отказывалась.

Четыре отборных свиных уха, которые он предварительно закоптил в ароматном соусе, Дин Тянь преподнёс личному советнику. Уездному судье выделил сочный свиной окорок. Всю остальную снедь — включая свиную голову и прочие обрезки — сдал на кухню управы, велел

приготовить сытный обед на всю братию.

Не забыл он и про старого бухгалтера Сюя, вручив ему добрых пять цзиней чистейшего свиного сала. Тот аж расплылся в довольной улыбке — в здешние времена жирное мясо ценилось на вес золота.

«Эх, мне бы кусочек постной вырезки... — мысленно вздохнул Дин Тянь»

Себе он оставил лишь два больших окорока солонины, которые подвесил под потолком тюремной кухни, чтобы лакомиться понемногу. Туда же отправились привезённые из дома вяленый балык и домашние колбасы — этих запасов ему должно было хватить без малого на целый год.

Помимо съестного, Дин Тянь закупил посуду: две огромные глиняные бочки под квашеную капусту, четыре чана поменьше — для засолки овощей, а также восемь пузатых кувшинов под острые закуски.

Ян Ли, прослышавший о прибытии родственника и заглянувший навестить его, так и покатился со смеху, завидев это столпотворение утвари:

— Ого, братец! Ты тут никак семейное гнездо вить собрался?

— А как же. Теперь это моя обитель. Так что ты, зять дорогой, без дела ко мне не шастай, — беззлобно огрызнулся Дин Тянь, незаметно пихая ему в ладонь тугой полотняный мешочек. — На, держи. Пряная вяленая свинина, сам готовил. Последнее отдаю, так что припречь понадежнее, чтоб чужие глаза не завидовали.

Если судить по родству, Ян Ли приходился ему мужем троюродной сестры. Впрочем, родство это было седьмой водой на киселе — общий предок у них затерялся где-то в прошлых веках, так что формально они даже не считались близкими родственниками.

<http://bllate.org/book/19387/1997442>